

Павел Петрович Шатько (1860-1912) доводится мне прадедом. Он — дед моего отца Владимира Александровича Мелентьева (1912-1987) и отец моей бабушки Ксении Павловны Мелентьевой (урожденной Шатько) (1888-1962)

Барнаульский след в судьбе ссыльнопоселенца Павла Шатько

текст
Владимир Мелентьев

В годы послевоенных сталинских репрессий люди старались не делиться воспоминаниями об ушедшем прошлом. Люди молчали, оберегая всячески детей от «лишних» и порой весьма опасных знаний о своих корнях. Но бабушка мне доверяла и многое рассказывала об истории нашего семейства. Так что я с малолетства знал, что Павел Петрович происходил из мелкопоместной дворянской украинской семьи Полтавской губернии, и что во время учебы в Императорском технологическом институте увлекся леворадикальными социалистическими идеями. Перспективы политического переустройства Российской империи и создания общества всеобщего благоденствия, свободы и равенства увлекали юношу, поэтому он стал членом одной из первых в России социал-демократической группы, созданной студентом Петербургского университета болгариним Димитром Благоевым.

У меня дома хранится первое в России издание «Капитала» Маркса, принадлежавшее Павлу

Петровичу, с которым он не расставался никогда, даже находясь в Сибири в ссылке.

Сейчас об этой группе редко вспоминают, но в советскую эпоху во всех учебниках истории КПСС упоминалось имя Благоева, а в числе самых активных членов его группы, предложивших идею обязательных партвзносов для всех вступающих в партию, назывался и мой прадед. Большевики относились негативно к социал-демократам, но Благоев, впоследствии создавший

Мелентьев Владимир Владимирович — профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор физико-математических наук, ученый, чье имя хорошо известно мировой научной общественности.

Шатько Павел Петрович, г. Орел, 1906.
Все фото предоставлены автором

Коммунистическую партию Болгарии, был у них в почете. В 1934 году, когда после убийства Кирова из Ленинграда выселяли старую интеллигенцию, нашу семью не тронули только благодаря заслугам моего прадеда.

Группа Благоева, положившая начало распространению марксизма в России, была основана в 1883 году и насчитывала до 30 активных членов, главным образом студентов Петербургского университета и Технологического института. В 1884 году группа приняла название «Партия русских социал-демократов», а после установления связи с группой «Освобождение труда» Г.В. Плеханова стала именоваться «Петербургской группой партии русских социал-демократов». Группа Благоева организовала около 15 рабочих кружков (до 10 человек в каждом) на ряде металлургических и текстильных предприятий за Невской и Московской заставами, на Васильевском острове, Выборгской стороне и в Нарвской части. Благоевцы выпускали прокламации, распространяли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, создавали библиотечки для рабочих кружков в Москве и Киеве, в Одессе и Самаре, в Саратове, Кременчуге и Туле, в Таганроге. А в 1885 году соратники Благоева организовали выпуск первой в России социал-демократической нелегальной газеты «Рабочий» (правда, из-за провала группы из печати вышло всего два номера). После того, как в марте 1885 года Благоев был арестован и выслан из России, группу возглавил Харитонов,

а после его ареста в январе 1886 — Андреев. Окончательный разгром группы Благоева произошел в марте 1887 года.

Весной того же года был арестован и мой прадед Павел Шатько. После ареста Павел Петрович содержался в тюрьме петербургского Окружного суда. Именно в этот тяжелый момент жизни опорой Павла Петровича стала его невеста Вера Михайловна Воронина, с которой он венчался в тюремной церкви.

Моя прабабушка Вера Михайловна (1865–1947) была дочерью выдающегося русского ученого, академика Михаила Степановича Воронина — основоположника отечественных микологии (науки о грибах) и фитопатологии (науки о болезнях растений). Михаил Воронин был человеком либеральных взглядов, чье мировоззрение сформировалось под непосредственным влиянием идей писателя и революционера-демократа Н.Г. Чернышевского, который был приглашен в семью Ворониных в качестве домашнего учителя. Поэтому неудивительно, что Михаил Степанович, будучи приверженцем идей утопического социализма, дал своей старшей дочери имя главной героини романа «Что делать?», вышедшего в свет незадолго до ее рождения.

В судьбоносный для Веры Михайловны 1887 год она как вольнослушательница окончила историко-филологическое отделение Санкт-Петербургских высших женских курсов и, выйдя замуж за П.П. Шатько, твердо решила разделить участь своего супруга. Хотя решение связать свою

**Павел Петрович с дочерью Оксаной (Ксенией).
Барнаул, 1888**

судьбу с Павлом Петровичем Шатько предрекало Вере Михайловне незавидное будущее. Ведь по решению суда Павел Петрович был приговорен к 10 годам административной ссылки, отбывать которую он должен был на Алтае, в далеком Барнауле.

Позже эта история стала известна поэту Александру Блоку, и он описал ее в своей гениальной поэме «Возмездие»:

Жених — противник всех обрядов
(«когда страдает так народ»),
Невеста — точно тех же взглядов:
она — с ним об руку пойдёт,
чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«луч света в царство темноты...»

Неизбежно настал момент, когда молодые супруги должны были отправляться в долгую, полную неизвестности дорогу к месту ссылки. Судя по нескольким сохранившимся письмам, которые молодая пара посылала с дороги родным, чтобы смягчить их тревоги и переживания,

присутствие духа ни на минуту не оставляло Веру и Павла Шатько.

В письме от 30 декабря 1887 года, отправленном по прибытии в Томск, можно прочитать следующее: «...наконец-то мы в Томске (...). Путешествуем мы совершенно благополучно. Грустное было прощание в Колпино, но зато какое радостное будет свидание. До Москвы, благодаря присутствию Петра Павловича (*отец П.П. Шатько. — Ред.*), мы еще находились в петербургской атмосфере — все не могли освоиться, что едем в такое далекое путешествие. Но на нижегородском вокзале и эта слабая связь с Петербургом порвалась. Очутились мы вдвоем, и только тут ясно представилось нам наше путешествие. Ехали мы во 2-м классе: народу было очень мало, так что доехали очень удобно. 7-го утром приехали в Нижний, здесь переночевали, сделали нужные покупки и поехали дальше. О том, как мы доехали до Перми, Вы уже знаете из нашего письма оттуда. Здесь мы продали свою повозку «ваньку-встаньку» и поехали уже по железной дороге в Тюмень.

Дорога до Перми для нас была легка, для лошадей тяжела — снегу много. Ухабы были, но мягкие. В Тюмени мы купили себе новый экипаж и взяли подорожную, за что с нас в казначействе слупили около 23 рублей (...).

В Тюмени мы пообедали и здесь же в гостинице заказали фунтов 8 мяса, купили гастрономии (...). Все эти запасы, следуя указаниям инструкции, думали сделать в Перми, но, спросив на почтовой станции и на вокзале, где начальник товарной станции был так любезен, что не только дал все нужные нам указания, но и оказал небольшое участие при продаже «ваньки-встаньки», мы порешили запастись всем нужным в Тюмени. И не ошиблись. Тюмень городишко мизерный, болото стоячее, но все там есть — и хорошие магазины (...) вина разлива бр. Елисеевых, печенья, варенья, соленья, словом, все есть. Запасшись всем необходимым, мы тронулись в путь. Дорога по всей Тобольской губернии была великолепна — ехали, словно по тракту, и ехали скоро. Под Кольванью дороги сделались похуже, и так было до самого Томска...»

В конце концов долгое путешествие завершилось и Шатько прибыли в Барнаул, где семья получила возможность снимать дом. В Барнауле Павел Петрович Шатько находился под гласным надзором полиции, а местом его службы стал Барнаульский сереброплавильный завод. Павел Петрович работал на нем в качестве инженера-технолога. В тот момент завод находился в хорошем техническом состоянии, т.к. в 1882 году были проведены работы по модернизации оборудования: отремонтирована плотина, установлены паровые двигатели, турбины, построены новые печи для обжига руды, устроены шахтные сереброплавильные печи. Но, несмотря на улучшение технического оснащения завода, производительность его постепенно снижалась. Можно сказать, что Павел Шатько застал последние годы работы Барнаульского завода, так как в 1893 году (вскоре после отъезда из Барнаула П.П. Шатько) приказом министра императорского двора Барнаульский завод был закрыт.

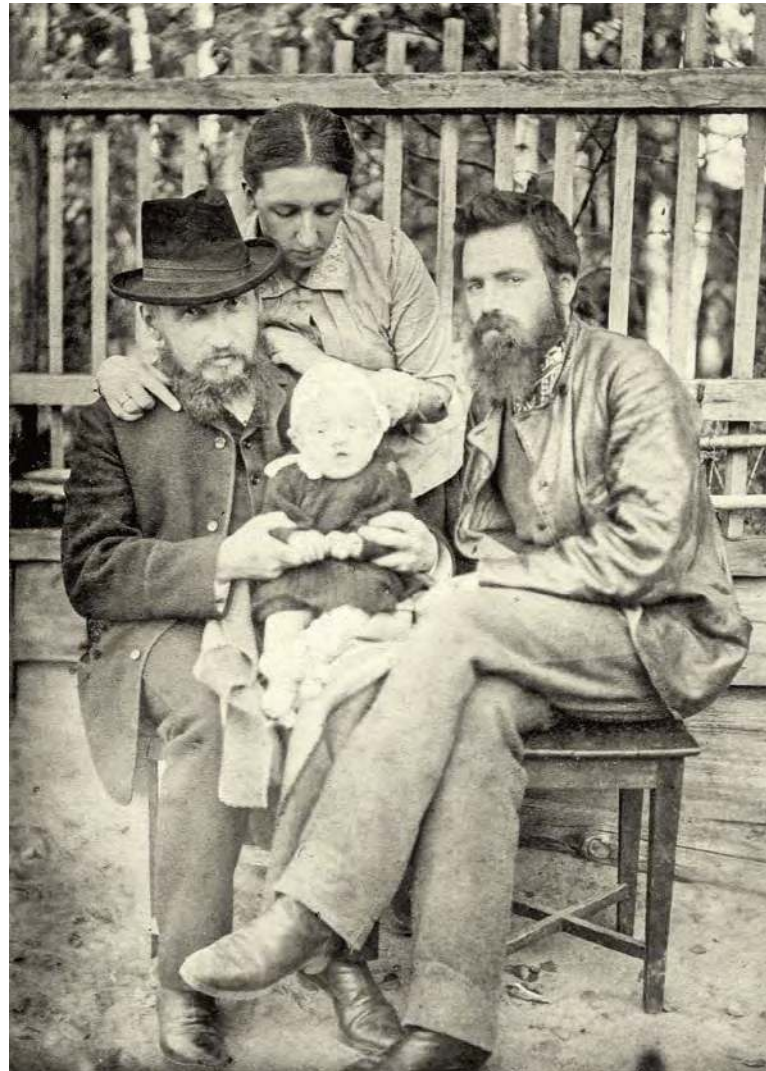
О работе Павла Петровича Шатько в Барнауле, где он жил с 1883 по 1892 год, оставил лестный отзыв ссыльный народник, ученый-статист и публицист Сергей Порфирьевич Швецов, который жил в Барнауле с 1888 года: «В Барнауле мы встречаем двух инженеров-технологов, административно сосланных по народолюбческому делу: дипломированного П.П. Шатько и недипломированного, получившего диплом уже после ссылки, — Ф.В. Олесинова. Оба они высланы были из Петербурга и оба работали на Барнаульском сереброплавильном заводе. И тот, и другой завоевали репутацию выдающихся работников, не только обладавших прекрасной подготовкой, но и проявлявших необычное отношение к работе в смысле высокого его качества. Впоследствии, уже вне Сибири, оба они выдвинулись на более широкое поприще: Ф.В. Олесинов как редкий специалист по мартеновской стали — на Путиловском заводе в Петербурге, Шатько — в стекольном производстве. В Барнауле они оставили по себе заметный след».

И Вера Михайловна, и Павел Петрович имели активную жизненную позицию и по приезду в Барнаул энергично включились в его общественную жизнь. Супруги Шатько сделали членами Общества попечения о начальном образовании (с 1888 года) и Общества любителей исследования Алтая (с 1891 года). Известно также о передаче ими книг в фонд общественной

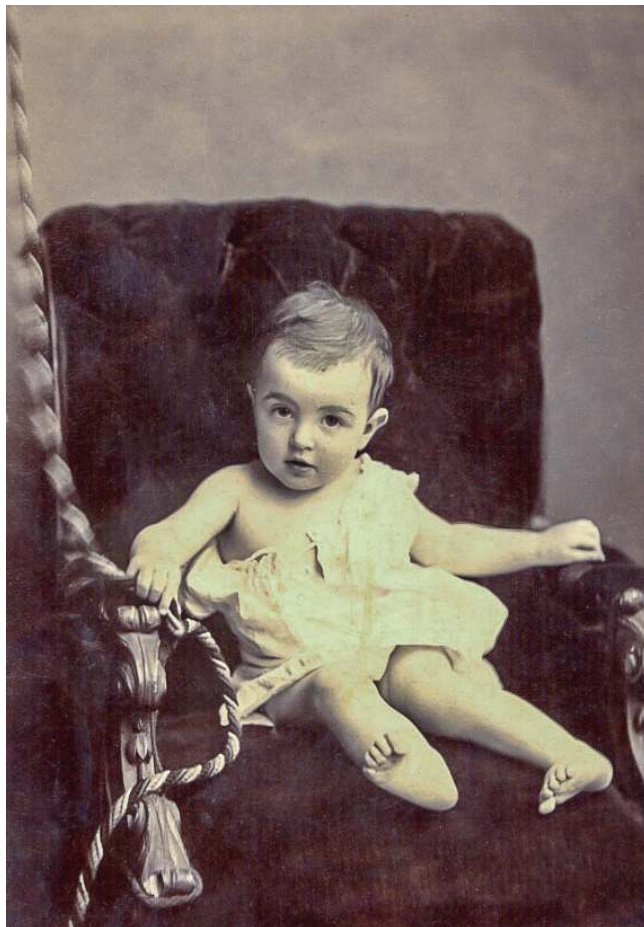
городской библиотеки (ныне — АКУНБ имени В.Я. Шишкова) и о денежных пожертвованиях.

По сведениям из семейного архива Павел Петрович был удостоен звания почетного гражданина г. Барнаула (об этом, в частности, указывается в показаниях моего деда Александра Николаевича Мелентьева на допросе в ОГПУ 7 апреля 1931 года).

В Барнауле у Веры Михайловны и Павла Петровича родились две дочери: в 1888 году — Ксения, в 1891-м — Елена.

**Михаил Степанович Воронин,
Вера Михайловна Шатько (Воронина),
Павел Петрович Шатько,
Ксения Шатько. Барнаул, 1888**

**Ксения Павловна Шатько.
Барнаул, 1888**

Ксения Павловна, моя бабушка, получила прекрасное домашнее образование, она знала в совершенстве французский, немецкий и английский, владела шведским языком. Ксения Павловна вышла замуж за Александра Николаевича Мелентьева — морского офицера, который в 1919-1920 годах был заместителем начальника Морского генерального штаба Советской Республики, за что был впоследствии дважды арестован в 1930 годы, работал в лагерях на Соловках, на Северном Урале.

Ксения Павловна Мелентьева (Шатько).
Фотография начала 1900 годов

Ксения Павловна пережила все трудности, выпавшие на долю нашего народа: война, разруха, репрессии... но обид в душе не копила и вырастила прекрасных сыновей. Старший — Лев Александрович Мелентьев — стал выдающимся специалистом в области энергетики, академиком, Героем Социалистического труда, членом Президиума АН СССР. Его имя сейчас носит Институт систем энергетики СО РАН РФ. Мой отец — Владимир Александрович Мелентьев — стал доктором наук, создавшим новое направление в гидротехническом строительстве.

Однако вернемся к Павлу Петровичу Шатько. Вернувшись после ссылки в Петербург с семьей в 1892 году, он отошел от революционной деятельности и стал владельцем стекольного завода в г. Окуловка Новгородской области. Этот завод был приобретен на деньги академика Михаила Степановича Воронина — отца Веры Михайловны. Павел Петрович наладил производство, пригласил мастеров-стеклодувов из Чехии и Германии, потомки которых проживают там по нынешние времена.

Однако в душе он по-прежнему — «карась-идеалист» и социалист. Он строит церкви, школы для детей рабочих, тратит огромные деньги на фабричную больницу, на строительство домов для рабочих с обширным

приусадебным участком. Павел Петрович пытался привить рабочим и культуру быта, в частности, соорудил возле домиков каменные мостовые, которые, на удивление, пережив все испытания временем, прекрасно сохраняются поныне. Но сознательности и благодарности рабочих он так и не дождался. В итоге производство стало сокращаться, прибыль катастрофически упала, вследствие чего Павел Петрович обанкротился.

Его постигло глубокое разочарование, крах идеалов юности, отчаяние несбывшихся мечтаний и надежд о равенстве и братстве, о свободе всех людей. Ничто его не радовало, даже известие о скором рождении внука — моего отца, и 8 мая 1912 года он застрелился на заседании Крестецкого уездного земского комитета, членом которого был всенародно избран.

Я родился в апреле 1939 года — так что друг от друга нас отделяют всего два поколения. Иные времена, иные ценности, страна, пережившая устои. Однако во мне есть капля крови моего прадеда, и я чувствую с ним внутреннюю связь. Казалось бы, далекая «седая старина», неведомые люди, о которых сохранились лишь обрывочные сведения. Но я люблю его и уважаю его высокие порывы, ибо Павел Петрович, хоть и на крохотную долю, — это я. Он живет во мне, и, думая о нем, я лучше понимаю ту, казалось бы, находящуюся во тьме далекую ушедшую эпоху. Его дела, его поступки дают мне силы, я чувствую в нем родину, свою первооснову.

Также близка и дорога мне моя бабушка — Ксения Павловна Мелентьева. Именно она стала связующим звеном, благодаря которому не разорвалась цепь времен и поколений. Именно из ее рассказов мне стали известны важные подробности жизни моих прадедов.

Я знал, что Павел Петрович Шатько был похоронен на петербургском Новодевичьем кладбище, а вот время и место, где обрела последний свой приют Вера Михайловна долгое время нам оставались неизвестными.

Но час истины должен был наступить, и он настал.

Осенью 2004 года мы с сыновьями на нашей скромной старенькой машине «Жигули» 6-й модели пересекли практически весь европейский континент и добрались до города Танжера, который расположен на побережье Гибралтарского пролива в Африке. Столь дальний утомительный маршрут был обусловлен тем, что именно в Марокко вели следы Веры Михайловны Шатько и ее младшего сына Михаила Павловича (1895-1985).

Из послевоенного письма, пришедшего к нам в Ленинград на старый дореволюционный адрес Ксении Павловны из Америки (!), мы знали некоторые факты из их жизни. Сын Веры Михайловны воевал в Гражданскую войну в составе 3-й Белой Армии в рядах 3-го стрелкового полка в Польше, а затем пропал. Каким-то образом бабушка Вера узнала, что сын жив и находится во Франции. И тогда, переодевшись в одежду горничной, она перешла советско-финскую границу и отправилась

на поиски сына. И представляете — о чудо! — она его нашла в Париже!

К тому времени Михаил женился на французенке по имени Марго. В конце 1920-х годов они все трое — Михаил, Марго и Вера Михайловна — переехали в Северную Африку, в Танжер, который был в те годы одним из центров русской эмиграции и где теплилась надежда получить работу белоэмигранту.

За границей находилась и средняя дочь Веры Михайловны — Елена Павловна Шатько, которой когда-то посвящал свои стихи — признания в любви к России великий немецкий поэт Райнер Мария Рильке. Елена покинула Россию задолго до событий 1917 года, но ждать помощи от бедствовавшей семьи сестры не приходилось, и они отправились в Танжер.

Во время путешествия в Танжер я смог найти могилу своей прабабушки и познакомиться с друзьями ее сына, которые по бедности вскладчину их хоронили и которые мне рассказали, что Вера Михайловна оставалась до последних дней высокопорядочным человеком, политических воззрений не меняла и была верна идеям конституционно-демократической партии (кадетов), или, как ее еще называли, партии народной свободы.

Моя прабабушка ушла из жизни 1 июня 1947 года и была похоронена в окрестностях

Танжера на европейском кладбище Бубана. Надгробие на ее могиле неплохо сохранилось, на небольшой мраморной плите крупными буквами написано по-русски: «Вера Михайловна Шатько». А чуть пониже разбитый медальон с утерянным изображением и приписка: «Мир тебе!»

У меня были мысли о том, чтобы перевезти прах на родину в Санкт-Петербург, на Новодевичье кладбище, на то место рядом с могилой ее мужа, которое она сама приобрела еще в далеком 1912 году. Оно так и остается до сей поры свободным, поджидая законную свою хозяйку. Но тогда в Танжере осталась бы одинокой могила ее сына Михаила (он погиб в автокатастрофе в 1985 году). В итоге мы приняли решение, что разлучать их не имеем права.

Ведь человек жив, пока его помнят, а страна живет и благоденствует, когда мы знаем свои корни и свои истоки. В нашей семье — это непреложная истина. Шанс найти родных в далекой Африке был минимальным, но мы все-таки решились на эту авантюру. И были вознаграждены. В итоге — наши знания о послереволюционных судьбах барнаульских ссыльнопоселенцев расширились и обрели законченный вид. ■

Материал подготовлен при участии Елены Огневой

**Павел Петрович Шатько и члены его семьи:
жена Вера Михайловна (1865-1947),
дочери Ксения Павловна — в замужестве Мелентьева (1888-1962),
Елена Павловна — в замужестве Лосева (1891-1946)
и сын Михаил Павлович (1895-1985)**